Против часовой стрелки

Автор:
Сергей Гончаров

Против часовой стрелки

Сергей Гончаров

После изобретения контролируемых снов у всех людей появилась возможность сбежать из реальности. Оказаться в том мире, где ты хочешь жить. Стать тем, кем желаешь. Рухнули индустрии игр и кино, ведь в контролируемых снах параметры всего задаёшь ты. Но что если такой сон выйдет из-под контроля? Ведь человеческий мозг – уникальная выдумка природы. Для него новая жизнь может быть в тягость, сон – превратиться в кошмар, а смерть – стать лишь началом чего-то большего…

Сергей Гончаров

Против часовой стрелки

Глава 1

Засаду бандиты устроили грамотно. Я даже не сразу о ней догадался.

МКАД мы пересекли без особых трудностей. Да, встречались заторы, образовавшиеся при паническом бегстве людей из столицы, но наш четырёхосный КамАЗ-вездеход преодолевал их без всяких трудностей. Он способен переехать невысокие стены и мелкие речки, что говорить о столпившихся легковушках? Поэтому и удивительно попасть в засаду. Если бы

мы видели расчищенную дорогу, что здесь проходят люди, то и вести себя пришлось бы аккуратней.

Новый мир подчас выкидывает неожиданные и нежданные вещи, и строить планы в нём можно лишь на ближайшую минуту. Максимум на две.

Когда-то на Ленинградском мосту располагалась застава военных. Перед ними стояла задача не выпустить ад за пределы города. Они с ней не справились. Впрочем, как и другие заставы во всём мире.

Из-за перевёрнутого самосвала появился первый из бандитов. На вид не больше тридцати, татуировка на шее, пистолет в набедренной кобуре, наглый взгляд. Полуденное солнце бликовало на лысине. Он вышел на пути следования КамАЗа, и я мог его попросту раздавить. Но люди себя так нагло не ведут, если не уверены в своей силе.

– На башню, – скомандовал супруге.

В передней части кунга у нас вращающаяся башня с закреплённым в ней крупнокалиберным КОРДом. Как раз для таких случаев, когда от длины пушки зависит, останешься ты жив, или пополнишь ряды мертвецов. Ира скользнула в кунг через соединительную кишку. Я услышал, как щёлкнул затвор, затем шуршание пулемётной ленты. Плавно нажал тормоз. Тяжёлая машина остановилась за метр до вышедшего на дорогу человека.

Бандитская застава состояла из перевёрнутого самосвала, занявшего две полосы. Ещё на двух стоял бортовой военный «Урал» с пробитыми колёсами. В кузове лежала деревянная бобина из-под кабеля, за которой сидело несколько человек с автоматами. Виднелись два ствола, направленные в нас. Откуда им, дуракам, знать, что машина бронирована, а их «калаши» нам, словно иголка для слона.

Одна полоса оставалась для проезда. Её-то бандит и перегородил. За отбойником, на встречке, стоял двухэтажный автобус с открытыми форточками. Без сомнения из-за тонированных стёкол за нами наблюдали.

В принципе ничего удивительного, что здесь засада. Надо признать – лопухнулся. Сильно лопухнулся. Это как написать собственную фамилию с

ошибками.

КамАЗ фыркнул. Я крутанул колёсико громкости на магнитоле, убавляя звук. Хотя музыка и так с трудом слышалась. Несколько мгновений смотрел в глаза человеку, перегородившему путь. Затем опустил стекло.

– Уважаемый, а вы не могли бы отойти с дороги? – конечно, мой вопрос звучал наивно, но попытаться стоит. Как говорится, лучшая битва та, которой не было.

– Не советую туда соваться, фраерок, – небрежно бросил лысый. – Внутри МКАДа обитает зло. А мы стоим здесь, и спасаем таких как ты, особо дерзких халявщиков, от необдуманных поступков. Понял меня?

– Понял. Но думаю, что рискнуть стоит. Спасибо за предупреждение, – я собирался закрыть окно, когда услышал:

– Слышь, чепушило, быстро вылез из тачки и можешь быть свободен.

Как и всякий не очень умный человек он принял доброту за слабость. А зря.

– А с какого перепугу ты со мной так разговариваешь? – нарочито нагло улыбнулся я. – Ты хоть знаешь, кого ограбить собрался?

За последние семь лет мир сильно изменился. Сила и оружие стали самыми весомыми аргументами в любых спорах. Мы с женой объехали половину мира, и, бывало, попадали в такие передряги, из которых выбраться казалось нереально. Однако мы выбрались. Бандюган, естественно, даже не догадывается, кто перед ним. Иначе бы без вопросов пропустил.

– Слышь, фраер, мне плевать кто ты и откуда, – бандит уверенно скрестил руки на груди. На лицо выползла мерзкая ухмылка. Он уже чувствовал победу. – Ты на моей земле, значит должен мне! Тебе понятно?

Кивнул. И вправду понятно. Любители жить за чужой счёт, были, есть и, к сожалению, будут. Но это не значит, что им надо позволять жить за чужой счёт. За последние годы только мы уничтожили множество подобных банд, но они появлялись снова и снова. Как грибы после дождя. Их рождала анархия,

завладевшая миром.

– Я реально даю тебе последний шанс, – сказал бандит. – Если хочешь остаться живым, то выбирайся и топай отсюда. Нам ещё один ходячий мертвяк ни к чему.

Деланно призадумался. Даже подбородок почесал, мол, смотри, как сильно размышляю над твоим предложением.

– Знаешь, – наконец ответил ему. – Есть такая поговорка: никогда не верь вору, наркоману и менеджеру по продажам.

– Как хочешь, чёрт, – нахмурился лысый. Он резво скакнул назад и попытался спрятаться за «Урал», но первые три пули из пулемёта бросили его на асфальт.

Следующая очередь КОРДа разнесла в щепки бобину из-под кабеля. А вместе с ней и двух бандитов. В дверь рядом с моей рукой ударила пуля. Благо машина бронирована, а так бы прошили мне бедро. Нагнулся, одновременно вытаскивая пистолет, укреплённый рядом с сиденьем. Поднял стекло. Стреляли с другой стороны дороги, из двухэтажного автобуса. За одним из тонированных стёкол померещилось движение. Как раз в этом окне имелась открытая форточка.

Пулемёт изрешетил автобус за тридцать секунд. Потом закончилась лента. Внутри оказалось не менее трёх человек. Они попытались спрятаться, но крупнокалиберные пули растерзали их тела.

Ещё одно место, откуда могли вести огонь – из-за перевёрнутого самосвала. Не просто так тот лежал колёсами к нам. Я выскочил из кабины и перебежал к «Уралу». Можно, конечно, просто уехать – дорога свободна, но не привык оставлять за спиной врагов. Ни к чему хорошему это не приводит.

Как ни удивительно, но бандит, перекрывший дорогу, жив. Выстрелами ему разворотило брюшную полость, кишки разбросаны по дороге, крови вылилось несколько литров, а он до сих пор, глотал воздух и моргал глазами. Я прокрался мимо. Донёсся тихий щелчок затвора. Ира зарядила пулемёт. Теперь, когда он застрочит надо падать на землю и притворяться песчинкой.

Из-за кузова перевёрнутой машины я выпрыгнул как чёрт из табакерки. Двадцатилетнего парня с «Калашниковым» в руках убивать не стал. Ударом ноги выбил автомат. Наставил пистолет в голову.

– Прости… те, – зачем-то промямлил он.

Вместо ответа я выстрелил ему в бедро. Парень заверещал, как свинья недорезанная. Принципы человечности работают только с людьми, которые их разделяют. К таким не относятся разбойники с большой дороги, без зазрения совести режущие людей.

Бандит потянулся к АК. Я отбросил автомат ногой и тот глухо звякнул о кузов самосвала. Наступил горе грабителю на шею, полностью перекрывая дыхание. Каблук впился ему в кадык. Малейшее усилие и я его убью.

Он это понял и затих. Глядел на меня широко раскрытыми глазами. Напоминал испуганного щенка, которого хочется пожалеть. Интересно, сколько людей он убил лично? Десяток? Два? Не бывает наркоманов, начавших сразу с героина, как не бывает и банд-формирований, начавших сразу с крупных дел. Например, с засады на въезде в Москву.

– Сколько вас ещё здесь? – ослабил нажим. – Отвечай быстро! – направил ему в лицо оружие.

– Всё, – прохрипел бандит.

Тогда я вновь наступил на его кадык. Парень непроизвольно схватился за мою ногу и попытался убрать. Боковым зрением я видел, как кровь хлещет из его простреленного бедра. А ещё заметил РПГ-30. Непонятно откуда он взялся у бандитов, но именно им бы нас и остановили, реши я переехать лысого.

– Сколько вас было? – чуть отпустил шею парня.

Вдали послышались странные звуки. Это могло означать лишь две вещи. Лучший вариант – изменённые. О худшем и думать не хотелось.

– Шесть… семь…

– Отлично, – выстрелил ему во второе бедро.

Парень завопил от боли. Как закричит, когда поймёт, какая участь для него приготовлена? Собаке – собачья смерть. Подхватив автомат и РПГ, я вернулся в КамАЗ. Что-то во всей этой засаде ненормально. Место хоть и подобрано хорошо, а исполнение на самом низком уровне. Не продумана тактика, нет укреплений, огневой поддержки. Исполнители – бывшие урки. Безграмотные и наглые. Такое чувство, что они лишь пешки, а руководит операцией кто-то другой. Скорее всего, расчёт был на то, что мы попытаемся проскочить и тогда нам по колёсам лупанут из РПГ. Разнесли бы машину, а без неё в центр города не добраться.

В зеркале заднего вида показались трое изменённых. Двое мужчин и женщина. Точнее при обычной и нормальной жизни они были мужчинами и женщиной, сейчас об этом напоминали лишь постепенно стиравшиеся первичные половые признаки. Привлечённые выстрелами, они бежали вдоль ограждения. После апокалипсиса появилась новая жизнь. Лишь выжившие люди, со свойственным своему виду развешиванием ярлыков, называли эту новую жизнь «изменённые». На деле это эволюция. Страшная, противоестественная, но эволюция живого в мёртвое. Планета преобразилась. Обычным, нормальным видам остаётся всё меньше и меньше места в этом мире. Скоро его совсем не будет.

Всё началось как-то странно, но при этом до жути банально. Начало умирать всё живое: кошки, комары, голуби, крысы, собаки, хомяки, змеи, деревья, пчёлы, люди. Через несколько часов умершие начали оживать с изменённым сознанием, потрясающей регенерацией и феноменальной способностью к мутации. Если у людей стирались лишь первичные и вторичные половые признаки, то зверьё преображалось так, что в нём с трудом различался изначальный вид. Единицы животных, растений и людей, неподверженные природным силам, постепенно уничтожались новыми видами жизни.

Я включил передачу и тронулся. Изменённые убыстрились – подумали, что добыча ускользает.

– Сзади, – крикнул жене. – Трое. Просто держи на прицеле, не трать патроны.

Машина быстро набирала скорость. За самосвалом мост оказался свободен. Встретилось лишь несколько легковушек, прижатых к крайней правой полосе. В зеркало видел, как мертвяки приблизились к единственному выжившему парню.

Как он кричал и пытался от них отбиться. Как они грызли его бедра, от которых исходил такой вкусный и притягательный запах крови.

А потом мы съехали с Ленинградского моста. Фиолетовая листва на деревьях с правой стороны дороги шевелилась от лёгкого ветерка. Стволы всех изменённых деревьев со временем поросли шишковидными наростами, начали прижиматься к земле, ветви стали эластичны, появилось подобие рта. Поговаривали, что в районе Сыктывкара дремучие леса и те, кто туда отправился, обратно не вернулись. Да что там… когда проезжали Зеленоград такого насмотрелись, что не раз ещё посреди ночи проснусь. Деревья в новом мире любят полакомиться мясцом. Ох, как любят.

Ира вернулась в кабину. Достала зеркальце, поправила причёску. Красивая у меня жена. Не устаю ею любоваться. Рыжие волосы ниже плеч, немного вытянутое личико, острый носик. Бельмо на левом глазу, последствие химического ожога, по-моему, даже придаёт ей шарм. Нечасто встретишь красивую девушку с подобным дефектом. А в современном мире и вовсе не часто встретишь девушку. Они предпочитают сидеть в охраняемых лагерях, а не шляться по самым опасным местам изменившейся планеты.

Ира подняла ноги на сиденье, прижала колени к подбородку. На правом бедре, на джинсах, большое масляное пятно, измазалась где-то в башне. Я остановил машину возле первых закруглённых высоток. Можем уйти на съезд и по Прибрежному проезду объехать Ленинградку.

На удивление, одна из самых некогда загруженных дорог Москвы, оказалась практически пуста. Ненормально это. За МКАДом столпотворение машин, а здесь пусто. Значит, кто-то или что-то после катастрофы мешал людям выбраться. Тогда много было разных карантинов, но ни один из них не помог. Впереди, почти со стопроцентной вероятностью, огромные заторы. Подобную картину мы видели в Риме. Там армия окружила город и расстреливала всех, кто намеревался его покинуть. Пытались локализовать угрозу заражения, только не понимали, что пожар эволюции остановить невозможно.

Когда-то мы с женой были Чистильщиками. Старались вернуть Земле прежний вид. Но те времена давно в прошлом. Уже никто не пытается уничтожить изменённых. Даже ребёнку понятно – человечество доживает последние годы. У нас нет будущего.

Мы проехали мимо коньячного завода. По левую руку стояли высотки. Старые, серые, и новые, зелёно-коричневые. Когда-то квартиры в этом направлении стоили сумасшедших денег. Когда-то люди тратили жизни, чтобы здесь жить. Сейчас все эти потуги казались смешны и нелепы. Москва стала большой братской могилой.

Массив деревьев по правую руку разросся. Ветви выбрались даже на выделенку. Одно из них метнуло к нам ветви-руки. Фиолетовые листья зашелестели перед лобовым стеклом.

– Огнемёт бы… – вздохнула Ира.

Я промолчал. Это моё упущение.

Под Великим Новгородом, в деревне Кунино, находилась база выживших. Такие базы теперь располагались рядом с любым крупным городом. Организовывали их прежние власти, когда была армия. Потом анархия поглотила остатки человечества. Власть изменилась, армии распались. Остались общины, где один за всех и все за одного. Когда Кунинцы узнали, кто к ним пожаловал, то предложили нам работу – найти и привезти группу, связь с которой пропала несколько дней назад. Последний раз группа выходила на контакт из сквера Воинской славы. Задание оказалось не из лёгких. Изменённые обложили остатки группы в Ледовом дворце, а какая-то тварь, в прошлой жизни даже не понятно к какому виду принадлежавшая, чуть-чуть и сломила бы защиту людей. Но мы подоспели вовремя. Группу вывезли. В благодарность нам предложили установить на крыше огнемёт ТПО-50. Где достали – неизвестно. Я отказался. По набросанным чертежам увидел, что работа будет выглядеть топорно. А теперь иногда жалел.

Прижались к крайней левой полосе. Проехали заведение быстрого питания. На заправке приметили движение. Я притормозил.

– Зачем они нужны? Поехали, – сказала Ира.

Жена, как всегда, права. Не стоит тратить патроны. Когда-то для выживших стало огромным шоком, что изменённые способны устраивать засады. Первым местом, где они появились – стали заправки. Много людей погибло, пытаясь выкачать бензин из подземных резервуаров. Но с тех пор прошло семь лет.

Бензин или закончился, или стал непригоден для моторов. Кого ждут изменённые на этой заправке?

– Да, ты права, – двинул тяжёлый грузовик дальше по Ленинградке.

На встречной полосе лежал перевёрнутый городской автобус. Чуть дальше виднелась воронка от снаряда.

Не нравилось мне Ленинградское шоссе. Не может оно быть настолько пустым. Даже в новогоднюю ночь здесь было больше машин.

Из подземного перехода, через прутья, за нами наблюдал изменённый, лишь отдалённо напоминавший человека. Ввалившийся нос, обкусанные губы, удлинившиеся зубы, кожа с лысой головы местами слезла.

Изменённые любят тёмные и холодные места. Там они чувствуют себя комфортно. Выжившие давно отучились лазить в подземелья и подвальные помещения. Шанс, что выберешься оттуда живым, составляет чуть-чуть выше ноля.

– Мерзкая рожа, – сказала Ира.

Не могу с ней не согласиться. Над некоторыми видами эволюция словно пошутила. Например, над людьми. Да, она подарила им силу, скорость, выносливость, живучесть. Сохранила частичку разума, но ничем особенным не наделила. Большинство других видов стали неимоверно опасны. Одни кошки чего стоят. Эти милые и пушистые создания превратились в ночной кошмар. В синоним смерти. А люди как были слабы физически – так и остались. Но они, как правило, берут количеством.

Надо признаться, умело берут. Поход в город за очередными нужными вещами с каждым годом становится тяжелее и тяжелее.

Мы проехали какой-то съезд. Слева проплыл разграбленный супермаркет. Такое чувство, что его расстреляли из танка. Несколько дырок виднелось даже в доме, примыкавшем к нему.

– Что там? – указала Ира.

Напротив высотки, раздирающей московское небо, находилась застава. Я мягко нажал тормоз. Тяжёлая машина плавно остановилась. Издалека не видно, что там творится. Я взял укреплённый на крыше бинокль. Покрутил фокусировку. Ленинградское шоссе перегородили военные «Уралы». Колёса спущены, несколько тентов разорваны в клочья. Возле бензобака одного из автомобилей остатки тела. Позади навеки замерших вездеходов виднелась разноцветная река легковушек. Вот почему Ленинградка на последнем отрезке пуста. Людей не выпускали. Кем был «мудрец», запретивший жителям спасать собственные жизни? На это уже никто не ответит.

На капот одной из военных машин запрыгнул изменённый. Длинные свалявшиеся волосы, мощный торс, приплюснутое лицо. Из одежды – разорванные и перепачканные во многих местах джинсы.

– Нас там ждут, – сказал я.

Из-за другого грузовика показался ещё один изменённый. Полностью обнажённый, без первичных половых признаков. Эволюция решила, что это пережиток.

– Дело плохо, – я убрал бинокль в крепление на потолке. – Садись за руль.

– Их там много?

– Видел двоих.

Дальше продолжать не требовалось. Изменённые люди стайные создания. Изредка встречаются в одиночку, чаще большими группами. Третьего не дано. То, что мы увидели двоих, означало, что нам дали увидеть двоих. Скорее всего, второй изменённый попросту сглупил и показался нам.

Я перебрался в кунг, из стойки с оружием взял «Вал» с прицепленной оптикой – любимый автомат.

– Даже если бы впереди не было затора, по Ленинградке мы бы всё равно не поехали. Слишком много по дороге станций метро, а значит и этих тварей.

– Согласна, – Ира перелезла на водительское кресло.

Меня всегда веселила надпись на её майке «Наглая рыжая морда? Да, это я!». Оттого носила она её часто.

– В данном случае самый короткий путь не синоним лёгкого пути. Скорее антоним, – сказала она.

Не зря жена когда-то работала преподавателем русского языка. Филологи такие люди, что даже после апокалипсиса могут сыпать никому не нужными терминами и устраивать проблемы на ровном месте.

Я забрался в башню. Пулемёт Ира не убрала, но в тесных городских условиях он почти бесполезен. Только на самый крайний случай если изменённых будет много, то придётся их проредить.

– На Беломорской сворачивай, – крикнул супруге.

– Я что, по-твоему, все улицы в Москве знаю? – ответила она.

– Налево и вниз!

В нашем автомобиле настолько мягкий ГУР, что им и трёхлетний ребёнок сможет управлять. Если дотянется к педалям. Ира несколько раз крутанула баранку, четырёхосный КамАЗ повернул влево. Тяжёлая машина смяла хилый отбойник.

Изменённые увидели, что добыча уходит. Сидевший на капоте вездехода, ринулся к нам. Я поймал мерзкую рожу в прицел и плавно нажал спусковой крючок. «Вал» тихо сказал решающее слово. Изменённый завалился на спину. Больше в нашу сторону никто не дёрнулся, хотя между грузовиков замелькали фигуры.

Глава 2

Будильник выдернул Игоря из Мира Грёз на самом интересном месте. Как всегда. Он стянул с головы обруч для проецирования сновидений в мозг. Вообще это устройство зовётся шлемом, так как первый прототип, изобретённый инженером самого известного в мире поисковика, Дэнисом Грогоровым, действительно походил на мотоциклетный шлем. Через год, устройство уменьшилось, превратившись в обруч, получило обтекаемые формы, мощную начинку и начало захватывать мир. Вскоре о шлеме знали все, начиная от полуторагодовалых детей и заканчивая стариками, родившимися при Сталине. Суть состояла в том, что в специальных сервисных центрах на телефон ставилась программа, к которой привязывался определённый шлем. В программу записывались параметры сна, а в шлем видеоряд. Если внести только параметры в программу на телефоне, то шлем не активируется. Если записать лишь видеоряд, а в настройки ничего не вносить, то мозг настолько испортит режиссёрскую задумку, что никакого удовольствия от просмотра человек не получит.

Изобретение Дэниса Грогорова позволяло человеку контролировать и запоминать сновидения, которые, к тому же, всегда имели продолжение. Рухнули целые индустрии, казалось бы нерушимых, развлечений: кино, игры. Их стало возможно заменить сном, причём тем, который будет интересен именно тебе. Кто ж променяет «вторую жизнь», где ты можешь быть кем угодно и где угодно, на очередной бестолковый трэш?

При включении программы на телефоне, шлем, с выставленной задержкой, вводил в фазу быстрого сна. Пробуждение возможно: при физическом удалении шлема, при сильных свето-шумовых воздействиях, по будильнику в программе, когда обруч на голове прекращает работу. Учёные не советовали уделять сну в шлеме более двух часов в сутки. А для детей до шестнадцати так и вовсе не более получаса. Но многие этими советами пренебрегали, вовсе отказавшись от обычного сна. Существовали и их противоположности, принципиально не имеющие шлема. В народе таких звали пузодавами.

В фазе быстрого сна шлем активно воздействовал на таламус и кору головного мозга, передавая необходимые данные, посредством абсолютно коротких волн. Мозг трактовал полученные данные по-своему, отчего невозможно посмотреть два одинаковых сна, несмотря на идентичные исходные данные. Большую роль

играл жизненный опыт и знания, которые мозг использовал помимо воли человека. В зависимости от модели шлема степень участия в процессе сновидений варьировалась. В самом дешёвом устройстве человек выступал лишь в роли наблюдателя. Самый дорогой, называемый в народе «обручем богов», способен заменить реальность. Популярными стали модели средней ценовой категории, где человек может принимать решения, но основное действие идёт согласно настройкам и плану.

Игорь поднялся с лавки метро. Убрал шлем в наплечную сумку. Еще мгновение посидел, думая о пингвинах. После пробуждения из фазы быстрого сна всегда эрекция. Поэтому Игорь ставил будильник на несколько минут раньше, чтобы успеть её побороть. Хоть в современном мире все понимают, что если у мужчины эрекция, то он только стянул шлем с головы, но всё равно косятся. Это как облить газировкой перед брюк. Все понимают, что ты облился, но показываться на люди стыдно.

Игорь поднялся и подошёл к выходу. В стекле дверей, на фоне внутренностей вагона, отразился коротко стриженый парень лет двадцати в белой майке с гербом России и синих джинсах. Коричневая сумка перекинута на манер почтальонской – чтобы случайно не забыть, после пробуждения ото сна. Поезд начал замедляться. Вскоре и вовсе остановился.

– Станция «Парк культуры». Переход на кольцевую линию, – донёсся из динамика приглушённый мужской голос.

Игорь выскочил на платформу и бодрым шагом направился к эскалатору. Людей мало, все уже приехали на службу. В этом отношении ему повезло – всегда любил работать во вторую смену. Пока стальная лестница тащила вверх, беззастенчиво разглядывал пятую точку стоявшей перед ним девушки. Перед выходом обогнал и заглянул в лицо – красивая. Придержал тяжёлую деревянную дверь. Девушка даже не посмотрела в его сторону, не говоря о коротком «спасибо». Состроила мину, мол, ты обязан это делать, и направилась к пешеходному переходу.

Такая же дамочка работала и с Игорем: Загира, родом откуда-то из-за Урала. Коллега не любила рассказывать о себе, а на прямые вопросы вовсе не отвечала. Внешность так себе, фигура тоже не притягивала взгляд, образование закончилось в школе, самообразование ещё раньше. Зато это компенсировалось уверенностью, что мужчины ей должны. Она много раз заявляла: «Все мужики

должны женщинам, потому что мужик сразу после рождения должен женщине». На чём основывалась такая уверенность? Непонятно. Игорь пару раз попытался надломить этот стереотип. Бессмысленно. Загира снимала койко-место и находилась в постоянном поиске мужчины, который будет её обеспечивать. Как-то заниматься собой, чтобы достичь успеха не желала. Зачем, если мужики и так должны? За четверть века ей перевалило, а должник не находился. Когда Загире об этом кто-то напоминал, она отвечала, что настоящих мужчин не осталось. Лишь альфонсы, козлы да алкаши.

Игорь работал в сервисном центре фирмы «Сон в руку». Павильон располагался между «Парком культуры» кольцевой ветки и мраморно-стеклянным зданием выстроенным «Трансаэро». По адресу: Зубовский бульвар 11В. Загира старший менеджер, он обычный. Она работала с утра и до вечера, а Игорь с обеда и до ночи. В выходные оба отдыхали.

Народа возле кольцевой, как всегда, много. Игорь вышел, пощурился немного от летнего солнышка. Вокруг люди куда-то спешили, разговаривали по телефону, просто стояли и кого-то ждали. Автомобили бесконечной рекой текли по Садовому кольцу и где-то вверху, по Крымской эстакаде. Почти все на автоматическом управлении, когда человек в шлеме смотрит сон, а робот, благодаря навигатору, везёт его тело к пункту назначения. Лишь по приезду на место человеку приходится парковаться, или подъезжать к намеченному адресу с той стороны, откуда надо, ведь навигатор, как водится, всегда подвозит не оттуда. Игорь помнил времена, когда за рулём каждого автомобиля сидел человек. Сейчас рулили единицы. Зачастую они и создавали аварийные ситуации. Роботы становились виновниками ДТП настолько редко, что это показывали во всех выпусках новостей.

В небольшом павильоне сервисного центра фирмы «Сон в руку», ядрёно пахло женскими духами, словно кто-то разбил пузырёк. Клиентов нет. Загира скучала за стойкой, лениво перелистывала каталог косметики. Встретила дежурной фразой:

– Привет, лежебока.

В принципе она весёлая и болтливая хохотушка. Мужчины таких любят. Для Загиры иногда находился клиент, приглашавший её куда-нибудь. Быстро ухажёры узнавали, что уже ей должны и поспешно ретировались. Соответственно сразу попадали в разряд альфонсов, козлов и алкашей.

Рабочий день начался. Заходили люди, выбирали из списка желаемый сон. Вносили деньги и получали настройки в телефон и видеоряд в шлем. Изредка попадались клиенты, желающие вот-так-вот-чтобы-оно-трах-бах-ну-ты-понял. Их отправляли в центральный офис, на «Чеховской», где делались сны на заказ. Удовольствие, кстати сказать, не из дешёвых. Иногда приходили те, кто вообще непонятно чего хотел. Выносили мозги, как птичка-мозгоклюйка, и уходили. А Игорь с Загирой переглядывались, мол, что это было. В основном народ адекватный. Единственное правило работало стопроцентно: чем тише и незаметнее клиент выбирает сон, тем больше в нём эротических моментов.

Перед вечерним наплывом офисных хомячков, часа в три, Загира показала, что смотрит. Её шлем позволял делать слипшоты, короткие видеозаписи во время сна. На её телефоне Игорь увидел, как она бежала через тёмные подземелья с факелом, перепрыгивала коварные ловушки, проползала в малозаметные лазы, уворачивалась от лап каких-то тварей. Несколько из этих видео заканчивались смертью. Нюанс шлема: если во сне человек погибал, то его выкидывало в реальность. Можно сразу нажать кнопку «уснуть» и сон продолжался незадолго до того места, где произошла смерть. Мозг уже по иному трактовал посылаемые в него события, а как следствие смерть два раза не повторялась.

– Ну, как тебе? – посмотрела на коллегу Загира.

По опыту Игорь знал, что не стоит критиковать её выбор. Она считала себя самой умной, поэтому любые нападки воспринимала как проявление тупости. О чём незамедлительно сообщала.

К тому же в этот раз её выбор и вправду оказался интересен.

– А ничего так! – отклячил Игорь нижнюю губу. – Свой досмотрю, потом этот закачаю. Как называется?

– «Сихирти». По роману Гончарова, – Загира полистала каталог на рабочем компьютере и нашла картинку с наскальными изображениями, лицом и высотными зданиями. – Вещь невероятная, прямо скажу. Одна из первых переделанных для сна, кстати. А ты сейчас что смотришь, раз можешь отказаться от такого?

Игорь задумался. Говорить правду или соврать? Но от принятия решения отвлёк клиент. Грузный и хмурый грузин лет пятидесяти. Он сразу прошёл к стойке и обратился к Загире:

– Мне, пожалуйста, сон, где Тамара.

Вообще этот сон назывался «Тамара Великая» и был крайне почитаем среди выходцев из Грузии. Разработчики усердно потрудились над его созданием. Это один из немногих снов без отрицательных отзывов.

Загира занялась клиентом. У Игоря зазвонил телефон.

– Здарова! – жизнерадостно раздалось в трубке.

Такое начало разговора не предвещало ничего хорошего. Вася – мрачный карьерист, за премию к зарплате способный перегрызть глотку родному отцу. Вся его работа в офисе крупнейшего мобильного оператора состояла в том, чтобы любыми правдами и неправдами заманить как можно больше корпоративных клиентов. А если учесть, что в современном мире правда всегда блёклая, а ложь выпуклая и многообещающая, то ему приходилось врать. Крайне часто и слишком много.

Игорь отошёл в каморку, где в зимний период оставляли куртки, иногда обедали, да складывали различный хозяйственный инвентарь. Пахло пылью.

– Привет, – ответил вполголоса, чтобы в зале не услышали.

– Дельце хорошее наклёвывается… – начал друг. – У меня знакомый создал сон…

Дальше Игорю ничего пояснять не требовалось. Чтобы самостоятельно создать сон никаких особенных навыков не требовалось. Надо лишь много времени и усидчивость, для настройки десяти тысяч параметров в специальной программе. Для шлема требовался видеоряд, который можно достать откуда угодно. Хоть из Интернета. При этом затраченное время не всегда выливалось в качественный продукт. Это сродни созданию видеоигр. Какую-то тяп-ляпицу может смастерить любой, для качественного продукта нужны люди, время и деньги. К тому же самостоятельное залитие программы в телефон, а видеоряда в шлем чревато

ошибками или вирусами. А с мозгом шутки плохи. Через сон вполне возможно украсть любые данные или подчинить человека собственной воле. В массах укрепилась легенда о вирусе Нутан. Суть легенды в том, что существуют люди/спецслужбы, способные залезть в голову человеку и превратить того в изменённого – биологического робота. Достоверных фактов существования этого вируса нет, но слухов бесконечное множество. Как о Бермудском треугольнике или Лох-несском чудовище. Поэтому существовали специальные фирмы, весь персонал которых, вплоть до директоров и президентов, нёс уголовную ответственность за установленные на шлемы пользователей сны. Неправильно поставленная программа может нанести вред психике. Иногда это заканчивается трагично для человека. Могут развиться умственные отклонения. В принципе ничего тяжёлого в установке нет, нанести вред человеку можно лишь умышленно. Или устанавливая самостоятельно через домашний компьютер.

– Я не буду в это впутываться, – перебил Игорь друга. – Одно дело устанавливать леваком и совсем другое устанавливать левак.

– Ты даже не дослушал, – наигранно обиделся Василий. – Там такое…

Игорь неоднократно пожалел, что поделился с другом информацией о леваках. После работы он иногда задерживался и в обход кассы, за полцены, заливал в чей-нибудь шлем выбранный в каталоге сон. Естественно «кем-то» должны быть свои люди, иначе можно не просто вылететь с работы, а по уголовной статье распрощаться со свободой. Вася несколько раз просил залить дорогие вещи, своим хорошим знакомым. Естественно Игорь понимал, что таким образом друг приманивал или благодарил собственных клиентов. Самому Игорю доставалась лишь любимая Васина присказка: «Свои люди – сочтёмся».

– Что бы там ни было, а такими вещами я заниматься не буду, – рыкнул Игорь. – Ты вообще понимаешь, что я тут не воздушными шариками торгую?!

– Ты не кипятись! – голосом старшего брата произнёс Вася. – Я тебе говорю, вещь просто бомба! Ты слышал о том, что ведутся разработки по совмещению реальностей? Чтобы спящие были в одном сне, типа как раньше народ в онлайн-игры резался?

– Ну? Слышал.

– Так вот у меня два приятеля вроде смогли это сделать! Ты понимаешь, о чём речь? Если успеть это запатентовать, то деньги польются рекой!

– Речь о том, чтобы я нелегально залил двум неизвестным людям неизвестную фигню через фирменное оборудование. Вот это я понимаю. Мне пофиг на этих двух твоих приятелей, но мне не пофиг на себя. Я не собираюсь остаток жизни сидеть за умышленное двойное убийство. Я достаточно ясно пояснил?

– Слышь, Игорюнь, ты что так набычился? – Вася не собирался сдаваться. – Вначале дослушай. Один из них продал двушку на кутузе, от бабки доставшуюся. Купил два «обруча бога». Как я понял с их слов, только на нём можно совместить несколько снов в единое пространство. Я не понял в чём там прикол, тебе явно это лучше известно. Программу-то они создали, накопали где-то видеоряд, но проблема в том, что «обруч бога» защищён по самое не балуйся! С обычного компа в него ничего не залить. Только через сервисные центры. Им повезло, что сказали об этом мне. А как следствие повезло и тебе. Если всё пройдёт гладко, то они гарантируют тебе один процент прибыли. Ты просто представь, какие это будут суммы! Просто представь, дружище!

Игорь почувствовал, что где-то в глубине проснулась жаба. Та, что любит пережать горло, чтобы свежая кровь, для адекватной мыслительной деятельности, прекращала поступать в голову. Если Вася говорил правду, то деньги должны быть очень-очень-очень неплохие. Такие, что никогда и ни при каких обстоятельствах больше не придётся работать. Да и на правду походило. В жёлтых новостях еженедельно объявляли, будто в очередном уголке планеты смогли совместить сны. Естественно, что все новости подобного рода оказывались уткой. Но разработки велись повсеместно. Тот, кто будет первым, сорвёт банк.

На правду походила и техническая часть рассказанного Василием. Только «обруч богов» давал самые широкие возможности для спящего. Игорь никогда не пробовал спать в этом шлеме, но поговаривали, будто мозг настолько обманывался, что начинал принимать сон за реальность. Только этот шлем позволял беспробудно спать и менять настройки в процессе сна. Игорь, как и многие-многие, мечтал об этом шлеме, постоянно читал о нём в сети. Среди кучи восторженных отзывов ему запомнил один краткий, но информативный: «Спать в этом шлеме – это как быть богом в созданном тобою мире. В мире, который ты можешь в любой момент изменить так, как тебе хочется». Игорь не мог понять, каким образом мозг настолько обманывался, что ты начинал принимать сон за

реальность. Но факт оставался фактом. Мир знал много богатых людей, потративших целые состояния, чтобы нанять себе пожизненных сиделок, которые будут их подмывать, кормить с капельниц и охранять от угроз внешнего мира. А сами погрузились в сон при помощи «обруча богов».

На этом шлеме стояла самая совершенная защита с основным принципом: невозможность вмешательства через обычный компьютер или Интернет. Сны в данное устройство можно записать лишь через авторизованные центры. Любая попытка взломать защиту «обруча богов» приводила к физическому выжиганию микроплаты абсолютной частоты. Того, что и делает шлем шлемом. Отдельно эти комплектующие не поставлялись и, как следствие, дорогая вещь становилась бесполезной безделушкой.

– Ну, Игорюнь, чего молчишь? – Вася понял, что жаба проснулась, оставалось лишь самым нежным образом вытащить её на поверхность. – Понимаешь, от чего чуть не отказался?

– Понимаю, – с трудом выдавил Игорь. – Но суть от этого не меняется. Мне надо залить непонятную фигню непонятным людям. А если они от неё с катушек съедут?

Из зала послышался возмущённый женский голос, успокаивающие слова Загиры. Видимо опять кто-то залил эротический сон, но из-за собственных фантазий насмотрелся такого, что зоофилия с некрофилией покажутся детскими мультиками. Эротические сны в этом плане опасное явление. Человек на уровне подсознания часто мечтает о таком, что даже самому себе признаться боится. Во время сна мозг не обращается к совести или моральным устоям, поэтому можно узнать о себе много нового и крайне противного. Конечно же, есть любители таких снов, но женщина в зале явно к ним не относилась.

– Не съедут, – уверенность друга казалась железобетонной. В его работе по-другому нельзя говорить. Если клиент почувствует хоть намёк на фальшь, то сорвётся с крючка. – Они тестили её на обычных шлемах. Всё норм. Именно так и поняли, что для полной реализации нужны «обручи богов». Игорю-ю-юнь! Один процент! Один процент от миллиардов!

Жаба схватила цепкими и холодными лапами за горло. Чем больше ты хочешь, тем серьёзнее должен рискнуть.

– Если дела обстоят так, как ты рассказал… – на мгновение замялся Игорь. – То пусть приходят после девяти. В начале десятого.

– Конечно же, всё обстоит так, как я сказал! – деланно обиделся Вася. – Ты же понимаешь, что я заинтересован в успешном доведении этого дела до победного конца не меньше чем ты. Мне ведь тоже кое-чего перепадёт, за то, что я вас свёл.

– Кстати, – спохватился Игорь. – Какие гарантии? Словесные?

– Я тебе гарантирую, что всё будет, – и опять в голосе железобетонная уверенность, словно таблицу умножения пересказывал. – Я когда узнал эту новость, сразу попросил нужных людей у себя в конторе и позаписывал их разговоры. Мне повезло записать кое-что крайне… неожиданное. Если кинут, то им придётся купить эту запись. И поверь, тогда мы получим ещё больше!

Игорю не понравился тон друга. Столько в нём сквозило ненависти, алчности, злости, что впору задумываться над тем, стоит ли дальше общаться с этим человеком.

Но жаба уже держала.

– Хорошо. Пускай приходят. Через год будем сидеть на Канарах, пить свежевыжатый сок из манго и с ностальгией вспоминать сегодняшний день!

– Точняк, дружище! Так и будет! Кстати, я завтра выходной. Может, встретимся, отпразднуем такое дело? А? Как смотришь?

– Да я только «за», но завтра работаю. Давай отметим уже по факту.

– Как скажешь, – легко согласился друг. – Ладно, мне тут дела рабочие надо делать. Я, к сожалению, ещё не миллионер…

– Хорошо, пока. Жду.

– Давай, – Вася разорвал соединение.

Игорь несколько минут стоял и глупо пялился на швабру. Казалось, что в голове поселилась пустота, но при этом в ней проносилось громадное количество мыслей. В основном сомнения в правильности поступка и мечты о безбедном существовании.

– Эй, ты чего там? Уснул что ли? – донёсся голос Загиры.

Дальнейший рабочий день потёк как обычно – клиенты, загрузки, деньги. Игорь перестал думать о том, что вечером кто-то должен прийти. Весело разговаривал с приглянувшейся шатенкой, когда дверь открылась, и в павильон вошли два металл-боя. От них быстро начал распространяться запах модной и дорогой туалетной воды. Представители этой, не так давно возникшей, субкультуры, много времени тратили на спортзалы, капоэйро и салоны красоты, но одевались при этом в стиле хард-рок. Моду на южноамериканское боевое искусство положил фронтмен бразильской рок-группы «Brazilia», мастер боевых искусств и один из первых металл-боев.

Поначалу парни с модельной причёской, наманекюренными ногтями, подкачанным телом, в рваных джинсах и закреплёнными на одежде цепями, бросались в глаза. Постепенно к ним привыкли.

Металл-бои неуверенно помялись возле входа. Загира ушла домой, поэтому обслужить их некому. По их бегающим глазам Игорь сразу догадался, что именно об этих людях говорил Вася. Да и время подходило. Через пятнадцать минут закрываться.

Он обговорил с шатенкой параметры будущего сна. Почитал вслух оставленные отзывы. После закачал в шлем сон. Довольная клиентка ушла. Игорь проводил её с грустью во взгляде. Каждый раз давал себе зарок, что со следующей понравившейся девушкой обязательно познакомится и куда-нибудь пригласит. И каждый раз боялся выглядеть глупо. Боялся отказа.

– Слушаю, – посмотрел на металл-боев.

Вполне вероятно, что эти парни братья. Слишком походили друг на друга, а может, ходили к одному стилисту и одному тренеру.

– Привет, чувак, – сказал один из них. – Мы от Василия.

– Угум… – Игорь обошёл стойку и закрыл входную дверь изнутри. Опустил жалюзи и приглушил свет. Погасил кассу, после чего автоматически выключилось видеонаблюдение. Почему не выключался компьютер, при помощи которого происходила заливка снов в шлемы – большой вопрос. Видимо недоработка мастера, отвечавшего за наладку оборудования. Причём именно на этой точке, так как Загира как-то упомянула, что пару лет назад работала в офисе на «Кузнецком мосту» и там при закрытии кассы отключался и компьютер.

– Так, парни, вы, надеюсь, понимаете, насколько я рискую… – начал Игорь издалека. Металл-бои одновременно хмыкнули.

– Прекрасно понимаем, чувак, – ответил один из них. – Мы тоже на своих мозгах пробуем то, чего ещё никто не пробовал. Если всё получится, гарантируем тебе один процент. Василий должен был говорить.

– Говорил, – удовлетворённо кивнул Игорь. – Приступаем?

Залить их сон в рабочий компьютер, а затем в шлемы заняло десять минут. Пока сон устанавливался в «обручи богов», Игорь скопировал программные настройки и видеоряд к себе в «облако», а с компьютера удалил.

– Готово, – протянул шлемы двум металл-боям. Телефоны они к тому времени успели спрятать в карманы.

– Спасибо! – синхронно ответили они, будто сговорились.

– Слушай, чувак, держи билет, – протянул один из них серую бумажку. – Приходи завтра в «120 ватт» на Совке. Первая Квесисская восемнадцать корпус семь. Но идти надо по второй. С той же стороны и вход увидишь. Напротив ещё воинская часть. Мы там завтра выступаем. Как раз и узнаешь, получилось или…

– Как раз и отметим! – перебил товарищ. – У нас должно получиться! Готовь лопату для денег!

Когда металл-бои ушли, Игорь закрыл за ними дверь и посмотрел на серенькую и невзрачную бумажку. Такую возможно на любом принтере напечатать.

Равнодушно запихнул в задний карман. Рок-концерт не то место, где он мечтал побывать. Да и вообще не та музыка, которую хотел бы слышать. Он считал, что современный рок слишком спопсился. Не осталось в нём бунтарей. Сцену заняли гламурные мальчики и девочки, ничего общего не имеющие с самой идеей рока – с бунтом против системы. Рокеры старой школы всегда были на стороне обычного народа и пели на понятные им темы. А современные мальчики и девочки пытались выпендриться на сцене, помоднее одеться, в бо?льших новостях отметиться. Пели о птичках с лазурных берегов, проблемах с операционкой в гаджетах, фантасмогории в Мире Грёз. Единственное, что связывало классический рок и современный – игрались эти два разных стиля на одних инструментах: гитара, бас, ударные.

Игорь выключил электрооборудование в сервисном центре фирмы «Сон в руку». Закрыл дверь, опустил защитные рольставни, после включил сигнализацию.

Метро к тому времени опустело. Плюхнувшись в вагоне на лавочку, Игорь натянул шлем и кликнул на экране телефона кнопку «уснуть». Успел убрать гаджет в карман, когда глаза начали слипаться.

Глава 3

От общественного туалета к нам кинулась стая недоизменённых собак. Их морды облысели, верхние клыки удлинились, уши покрылись роговыми наростами и обвисли. Собственно это и все изменения несчастных животных. В остальном они вели себя, как обычно: бежали за нами, лаяли и пытались цапнуть за колёса. Отстали лишь у Валдайского проезда.

Когда-то меня немного веселило, что можно не соблюдать правила, ездить «под кирпич». Спустя семь лет приелось. Равнодушно мы двинулись под выцветший красный знак с белым прямоугольником в центре. Ехали мимо длинной кирпичной высотки. Возле обочины навсегда остановились несколько легковых машин и один старый ЗИЛ. Все разграблены. Из легковушки даже сиденья вытащили. Чем ближе к МКАДу, тем меньше вероятность найти что-либо ценное. Всё, что могло сгодиться в хозяйстве, давно унесли.

Лёгкий ветерок донёс запах гари. Когда-то пожары не были редкостью. Затем электричество вырубилось, и проблема исчезла. Повертел головой, пытаясь определить в какой стороне горит, но ветерок уже унёс запах пожара.

– Стой, – крикнул, когда мы выехали на перекресток. Слева от нас располагалась пустая парковка, в центре которой высилась гора из покрышек. Кто-то их выкладывал в форме ёлочки. Для чего? Меня это мало интересовало. Остановиться я скомандовал из-за блеска в одном из окон ступенчатого закруглённого здания.

Тяжёлая машина затормозила. Я стукнулся локтем о пулемёт. В следующую секунду вскинул «Вал» и всмотрелся в окно, где заметил блеск. Сразу увидел крепкого мужчину в военной форме, наблюдавшего за нами через СВДСМ.

В каждом крупном городе мы встречали таких сумасшедших. Они думают, что когда-нибудь станет, как и прежде. А они будут первыми, кто приступит к захвату лучшего из бесхозного. Частенько таких задирали изменённые, но попадались и везунчики. Таких мы встречали в Риге, Варшаве, Берлине, Кишинёве, Тбилиси, Братиславе, Любляне и множестве других городов. Всех и не вспомнишь.

– Поехали, – крикнул супруге.

КамАЗ тронулся. Человека, засевшего в здании, я не спускал с прицела. Неизвестно, что от такого можно ждать. Когда-то мы были настолько наивны, что пытались таких спасать. В итоге, один из подобных психов открыл по нам огонь из пулемёта. С тех пор мы начали спасать только тех, кто хочет, чтобы им помогли.

Мужчина тоже следил за нами через прицел. Наверняка и ёлку из покрышек сложил он. Зачем? Наверно никто, кроме этого сумасшедшего не ответит на этот вопрос.

Мы проехали чуть дальше. Несколько столбов повалены, лежали поперёк дороги. Перевёрнутый грузовик спрятался меж разросшихся деревьев с фиолетовыми листьями. Двери кузова вырваны, внутри грязь и остатки картонных коробок. На углу со Смольной улицей лежало несколько перевёрнутых автомобилей. Один из них – джип со смятым капотом. Второй –

развороченный спорткар. Видно, что столкновение произошло лоб в лоб. В прежнем мире люди оборачивались на такие машины, а на подобные аварии приезжали журналисты центральных каналов. Жители провинциальных городов автомобили из этой ценовой категории и вовсе видели только на картинках.

Апокалипсис всех сравнял. Поначалу власть имущие имели огромные преимущества над обычными людьми. После, когда деньги превратились в бумажки, богачи растворились в народе.

Справа, из разросшихся на весь тротуар фиолетовых кустов, выбралась здоровенная крысоподобная тварь. Сейчас о её принадлежности к грызунам напоминал лишь лысый хвост размером с бревно. Тварь елозила брюхом по земле, лапы оканчивались мощными когтями, вытянутая морда с двумя огромными глазами покрыта тонким серым налётом, похожим на асфальт.

Монстр явно хотел нами пообедать. Открыл пасть и продемонстрировал несколько рядов зубов. Любая акула умерла бы от зависти. Хотя, когда мы были в лагере под Лиссабоном, один моряк рассказывал, что современные акулы размером с китов и обычный траулер перекусывают, словно деревяшку, а ударом хвоста способны потопить танкер. Мы тогда уехали на сто километров, когда получили сигнал бедствия из лагеря под Лиссабоном. Примчавшись обратно, объединения выживших не застали. Пираты согнали всех на корабль и поплыли продавать в рабство.

Я выпустил две пули в голову твари. Они просто срикошетили от серого налёта на лбу бывшей крысы. Да это броня! Тварь кинулась на автомобиль. Ира ойкнула. Монстр попытался остановить КамАЗ. Тяжёлая машина на мгновение затормозила, а в следующее, проехала по монстру всеми четырьмя мостами. Мне пришлось бросить «Вал» и держаться, чтобы не свалиться с башни. Бывшая крыса протяжно и жалостливо завизжала. Мы сломали ей хребет. Столько в её голосе послышалось скорби и мольбы о помощи, что захотелось остановиться и облегчить страдания. Ведь бывшая крыса не виновата, что эволюция превратила её в такую тварь. Не виноваты и люди, в одночасье ставшие плотоядными созданиями. Не виноваты и другие виды. Земля решила уничтожить старую жизнь и создать новую. Единственное, что мог делать человек со всем своим прогрессом – последними усилиями держаться за жизнь. Почему последними? Да потому что всё меньше и меньше оставалось лагерей, где жили люди. Мир умирал, но рассчитывал возродиться, как феникс.

Я собрался крикнуть Ирине, чтобы притормозила. Монстр извивался на дороге и жалобно выл. Надо пристрелить, чтобы не мучился. Неподалёку раздался протяжный вой. К нам по Смольной улице скакала большая рыжая хрень. В прошлом лиса. Сейчас шерсть загрубела, морда удлинилась, глаза на выкате, жёлтые зубы мешали пасти закрыться.

– Поехали! Поехали! – крикнул я.

Ира вдавила педаль газа. Тяжёлая машина зарычала и стала набирать ход. Бывшая лиса подскочила к бывшей крысе. Вцепилась в глотку и во все стороны брызнула кровь.

Мы промчались мимо застывшего эвакуатора. Левобережную перегораживала фура. Возле светло-коричневого двухэтажного здания с двумя входами Ира остановила машину.

Монстры остались за поворотом дороги. Я спустился с башни. Пробрался в кабину через резиновое соединение.

– Чего стоим? Кого ждём?

Ира всматривалась вперёд. Я проследил за направлением взгляда. На парковке вдоль дороги застыли четыре машины. За перекрёстком стоял городской автобус, с заляпанным свежей кровью лобовым стеклом.

– Там что-то мелькнуло, – указала Ира на автобус.

– Вижу. Давай, поехали. Промчим мимо.

– А как же… – не договорила она.

Наш позывной «Ангелы жизни». Как его заслужили? Вытаскивали людей почти с того света. Помогали, когда ничто человеку помочь не могло. Если наша рация человеческим голосом просила помощи, мы никогда не отказывали. Несколько раз таким образом попадали в бандитские ловушки. Но, опять же, помогали людям тем, что уничтожали такие банды.

– Нас кто-то просил о помощи? – немного удивлённо посмотрел на жену.

– Нет, но…

– Мы туда не полезем, – сказал я. – Медленно езжай мимо.

Внутри автобуса определённо кто-то есть – промелькнула тень. Скользнув в кунг, я забрался на башню. Упёр приклад «Вала» в плечо.

Тяжёлый автомобиль медленно двигался. Вскоре мы поравнялись с автобусом. На руле лежала человеческая рука в беспальцевой перчатке. Стоял сильный металлический запах. На центральной площадке притаилось большое существо. Рассмотреть подробнее не сумел. Чувствовал на себе пристальный взгляд. Безусловно – стоило нам остановиться, и монстр бы сразу напал.

Многоэтажка на углу Дыбенко и Петрозаводской выгорела. На автобусной остановке гора костей, словно их специально укладывали пирамидкой. Дальше стояли две сгоревшие машины. А возле них лежал разорванный мешок с песком. Я почесал бровь, пытаясь понять, к чему бы это…

Зарокотал мощный двигатель. Из двора, наперерез нам, выехал грузовик. Ира начала притормаживать и мы остановились метров за десять. Я внимательно наблюдал за округой. Сказать, что это странно – не сказать ничего. Двигатель, выехавшего поперёк нам грузовика, работал. На кузове красовался выцветший логотип известной фирмы. В кабине никого. Словно машина самостоятельно решила преградить нам дорогу.

– Что делаем? – крикнула Ира.

Самым простым решением казалось объехать грузовик по тротуару. Видимо этого от нас и добивались.

Я закинул «Вал» за спину и взялся за пулемёт. От нас ждали действий. Каких? Слева от дороги широченный тротуар. Там и БелАЗ проедет. Справа тротуар узкий. Ветви хищных деревьев с фиолетовыми листьями склонились над ним. Что от нас хотят? Именно это волновало меня больше всего. Вгляделся в окна высоток по разные стороны дороги. Чуть впереди двухэтажный магазин. Ничего

странного не обнаружил.

– Ты что-нибудь видишь? – спросил у супруги.

Несколько мгновений она не отвечала. Наконец отозвалась:

– Грузовик. Этот. Странный.

– Сдавай назад! – крикнул я.

Задраивать люк не осталось времени. Скользнул по лесенке вниз. Ира врубила заднюю передачу и нажала педаль газа. Тяжёлая машина медленно попятилась.

Грохнул взрыв. Наш автомобиль вздрогнул. Я обнаружил, что валяюсь на полу возле кровати. В первый миг даже подумал: «А для чего Ира мотор заглушила?». Когда слух вернулся, услышал его мерное гудение. Воняло гарью. «Вал» давил в спину. Я подскочил и бросился в кабину. Пробравшись через резиновое соединение, увидел жену. Она сидела на водительском месте и округлившимися глазами смотрела вперёд.

– Ты как? – у меня прямо камень с души упал. Главное, что супруга жива и здорова.

– Это что было? – указала она на дымившиеся останки грузовика.

Вновь нас спас КамАЗ. Точнее его бронированная версия.

Наш четырёхосный вездеход повышенной проходимости мог преодолеть преграды высотой до двух метров. В кунге имелись: биотуалет; душ с баком на триста литров; маленькая, но полноценная кухня; двуспальная кровать; закруглённая бронированная башня на крыше, герметичная в закрытом состоянии, а при открытии обеспечивающая угол обзора в триста шестьдесят градусов, КОРДа в ней изначально не было, умельцы в лагере под Тулой, за услугу, вмонтировали туда пулемёт; люком в кабине мы ни разу не пользовались, но как запасной выход, он незаменим; колёса на нашем вездеходе мало того, что прикрыты бронёй, так ещё имеют самозатягивающуюся резину и систему автоподкачки шин; климатическая установка не даёт замёрзнуть даже

под Мурманском и не зажариться под Адлером; автосбор дождевой воды не раз выручал в дальних поездках; а водяной и воздушный фильтры позволяли проходить места, где окружающая природа крайне враждебна человеку; четыре топливных бака, каждый на пятьсот литров обеспечивали большую дальность хода, а двигатель, работающий на всём известном топливе, позволял заправлять эти баки чем угодно – главное не смешивать; на переднем бампере находилась лебёдка для того, чтобы эта машина могла сама себя вытаскивать и мы ей даже один раз пользовались, когда под Якутском забрались в такие дебри, где не ступала нога человека; под днищем располагался большой аккумуляторный блок; на крыше, поверх брони установлены солнечные батареи; рация сверхдальнего радиуса действия давала возможность прийти на помощь попавшим в беду людям; минидизельэлектростанция позволяла без заведённого двигателя продолжительное время жить в автомобиле; бортовой компьютер, помимо технических составляющих, предоставлял контроль пространства за автомобилем, для чего сзади укреплены две видеокамеры; мощные фары превращали ночь в день, а система шумоизоляции позволяла игнорировать все внешние раздражители.

Мы нашли этот автомобиль в тот момент, когда считали себя трупами. КамАЗ нас спас от лап изменённых. С тех пор мы вытащили тысячи людей из рук смерти. А так же заслужили позывной «Ангелы жизни».

Не знаю, для каких целей изначально разрабатывалась эта машина. Даже предполагать не берусь. Это не машина, а самодвижущаяся крепость. Может кто-то предвидел апокалипсис, но попросту не сумел добраться к своему Ковчегу?

Недавно мы узнали тайну, которую обычным смертным знать не дозволялось. После этого нас много раз пытались убить. Апогея мы достигли теперь, когда максимально приблизились к секрету, сокрытому от остатков выживших. Логика подсказывала, что чем глубже в столицу мы будем забираться, тем рьянее нас будут пытаться остановить.

Остов развороченного грузовика полыхал и чадил. Вскоре, привлечённые шумом, здесь будут изменённые со всей округи.

– Поехали, – я упал на пассажирское сиденье, «Вал» положил на колени. – Бери влево.

Тяжёлый автомобиль двинулся. Ира начала объезжать препятствие. В разорванной кабине виднелись остатки роботизированного механизма, который и выкатил грузовик перед нами.

На перекрёстке нас ждал огромный завал – авиалайнер снёс два дома. Дорогу перегораживали горы кирпича и плит вперемешку с остатками самолёта. Трагедия, скорее всего, произошла в первые часы после начала апокалипсиса, но пылью здесь воняло до сих пор. Из-за покорёженного фюзеляжа высунулся изменённый. Поблымкал удивлёнными глазами и снова спрятался. Скорее всего, он один. Не подходит место для засады. И для жизни новому витку эволюции не подходит – им требуются тёмные и холодные, желательно подвальные, помещения.

Слева массив деревьев – к ним лучше не приближаться. Оплетут ветвями колёса и что тогда делать? Под Сыктывкаром мы как-то спасли людей, завязших в такой ловушке. Благо у них оказалась рация, а мы проезжали мимо.

– Как думаешь, вон там пролезем? – указала Ира на гору из строительного мусора.

Я присмотрелся. А ведь вполне возможно, что и проедем. Несколько межэтажных перекрытий упали довольно удачно. Весь вопрос в том, насколько удобен спуск с другой стороны завала.

– Давай за пулемёт, – сказал я. – Подстрахуй, на всякий случай. Я схожу, проверю.

Ира перелезла в кунг. По тоненькой лестнице забралась в башню. Скрипнуло крепление КОРДа.

Я открыл дверь и спрыгнул вниз. С опущенным автоматом направился к завалу. Глаза не отрывал от развороченного фюзеляжа, где видел уродливую морду изменённого. Трогать его без надобности. Всех представителей нового мира не перебить. А сам он вряд ли нападёт – по одиночке они трусливы.

Я взобрался по битым кирпичам на первое из межэтажных перекрытий. Покорёженный фюзеляж самолёта находился сбоку. Постарался не смотреть в ту сторону, делал вид, что не видел изменённого. Однако боковым зрением

контролировал ситуацию. Медленно вскарабкался к вершине завала. Спуск выглядел не так идеально, как подъём, но вполне приемлемо. В современном мире мы не единственные, кто ездит на вездеходе. В нескольких местах нашлись следы от покрышек, кто-то пользовался этой дорогой.

Я спустился вниз, трусцой пробежал к автомобилю. Встал на подножку и открыл дверь. Забрался внутрь. Через минуту в кабину через резиновую кишку перебралась Ира.

– Давай попробуем, – сказал я. – Здесь уже ездили. Весь вопрос в том, сколько весила их машина?

Не хотелось возвращаться. У меня стойкое чувство, что ничего хорошего из этого не выйдет. Те, кто не желает, чтобы мы добрались в центр Москвы, явно будут рады, если мы пойдём лёгким путём, ведь он никогда не приводит к качественным результатам. Пробираться через дворы – дело неблагодарное. Улицы расчищены от брошенных автомобилей и прочего мусора первыми мародёрами. Дворами же никто не занимался. Конечно, если припрёт, то придётся продираться и там – благо машина позволяет. В таком случае мы наделаем много шума, на который сбегутся изменённые со всех окрестных подвалов. А большой толпой они вполне способны доставить нам неприятности. Ещё одна проблема при таком способе перемещения через город – деревья. На широких улицах они физически не могут дотянуться к проезжающей машине. Эволюция, конечно, добавила им подвижности, но корни в земле никто не отменял. На узкой дворовой дороге, пробираясь по брошенным автомобилям, мы станем лёгкой добычей, для деревьев. А если рядом окажутся изменённые, которые большой толпой вполне способны перевернуть даже наш автомобиль…

Ира медленно двинула КамАЗ к импровизированному подъёму. Вновь из-за фюзеляжа появилась безобразная морда изменённого. В прошлом наверняка женщина. На плоской груди болтались чёрные остатки лифчика. Может, и летела женщина на этом, разбившемся в черте города, самолёте. Кто ж теперь скажет? В мире сейчас больше вопросов, нежели ответов.

Наш автомобиль миновал кирпичное крошево и начал карабкаться по плитам. Поначалу всё шло как нельзя лучше. Когда мы почти забрались на вершину, одно из межэтажных перекрытий пошатнулось. В сердце завала протяжно скрипнуло.

– Поехали! Поехали! – выпалил я, предчувствуя самое плохое.

Ира вдавила педаль газа. КамАЗ зарычал, словно раздражённый зверь. Рванулся к вершине. На экране бортового компьютера мы видели, как позади рухнула плита, образовалась яма. Упади мы в неё и никакая лебёдка не вытащит обратно. Слишком всё выглядело подозрительно – наши враги словно знали, что мы непременно полезем через завал. Подстроили очередную ловушку, даже следы от колёс не поленились оставить. Ещё секунда и мы бы не смогли достигнуть цели.

Наконец тяжёлая машина взобралась на вершину завала. Спуск выглядел не таким гладким, но неожиданностей нас там точно не ждало. Гора битого кирпича не могла провалиться в глубину. Мы медленно начали съезжать. В кунге что-то звякнуло и покатилось. Вцепившись в ручку двери, запоздало подумал, что за руль следовало сесть мне. Потом откинул эти сексистские предрассудки, вбитые нам с рождения. Ира управляла автомобилем лучше.

На спуске нас слегка занесло. Я подумал, что приключение закончилось. Сейчас нас развернёт, а после тяжёлая машина завалится на бок. Однако Ира смогла вырулить, и мы благополучно съехали на ровный асфальт. Подпрыгнули на большом куске кирпичной стены.

– Фух, – супруга вытерла испарину на лбу. – Зря мы сюда полезли. Ещё б чуть-чуть и увязли. Ещё неизвестно, что произошло бы, упади мы в эту дыру.

– Мда… – представил перспективы такого исхода событий. – Пешком добраться к Чёрной грязи удовольствие не из приятных.

Именно там, между Зеленоградом и Москвой, находился один из лагерей выживших. Вообще вокруг столицы таких лагерей много. Не меньше семи. Просто в этом нас попросили о помощи, и мы туда заехали. Требовалось найти группу, потерявшуюся в четвёртом микрорайоне Зеленограда. Это оказалось самым тяжёлым заданием, выпавшим за все года нашего странствия по миру. По дороге нас чуть не разорвали деревья, встретилось самое страшное животное современности – кошка, изменённые чуть не поймали нас в ловушку. В итоге, когда мы, наконец, пробились к группе, то из семнадцати человек в живых остался лишь один. Мы попросту не успели. Какова цель забравшегося в подмосковный город отряда, так и осталось загадкой, но спасали мы точно не

людей. Командование лагеря осталось довольно и щедро оплатило нашу работу. Нам полностью заправили и отремонтировали машину, выдали патронов и припасы. Награда нам показалась непропорционально высокой – словно мы весь Зеленоград от изменённых зачистили.

Мы миновали дом со странным расположением балконов, проехали вдоль выжженного участка земли. Раньше здесь, скорее всего, были разросшиеся деревья, а у кого-то оказался огнемёт. Попался ещё один дом со странным расположением балконов. Возле него, на дороге, стоял бензовоз, с кабиной изрешеченной пулями. Через распахнутую дверь виднелся обглоданный труп. Трагедия случилась относительно недавно. Явно лагеря выживших что-то не поделили. Я хотел попросить притормозить, чтобы проверить, есть ли что-нибудь в цистерне, когда увидел несколько дырок от пуль чуть ниже синей надписи, проходившей вдоль всего резервуара на колёсах. Для чего пустой бензовоз ехал через мёртвый город можно придумать. Но зачем на него нападать? Я даже не брался отвечать на этот вопрос.

Из-за цистерны вышел человек. Встал на нашем пути. Ира рефлекторно вдавила педаль. КамАЗ взвизгнул тормозами. Я чуть не ударился лбом о бронебойное стекло. «Вал» упал с колен. Тяжёлая машина остановилась в нескольких сантиметрах от мужчины. Двигайся мы чуть быстрее и смельчак неминуемо бы оказался под колёсами. Что сегодня за день такой? А может город? Уже второй человек уверен в наших тормозах больше, чем мы сами.

Бородатый мужик сделал несколько шагов назад, чтобы видеть наши лица. Мы тоже уставились на этого придурка. Перед нами стоял явный сумасшедший. Грязный и растянутый свитер до колен. Порванные в нескольких местах джинсы, пыльные зимние ботинки на толстой подошве. Длинные засаленные волосы сосульками падали на плечи. Лицо иссушённое, щёки впалые, рука с «Макаровым» подрагивала. Мужчина кричал и целился в Ирину.

Я немного опустил окно.

– Мне нужна вода и еда, – хриплым голосом произнёс местный житель. – Не доводите до греха. Дайте!

Поначалу мы удивлялись таким людям. Каким образом они умудрялись выживать в самых опасных местах планеты? А самое главное – зачем?

– Быстрее! – поторопил нас мужчина. – Здесь опасно!

– Да ты что?! – всплеснула руками Ира. – А мы и не знали!

– Может, дадим ему еды? – посмотрел на жену. – У нас всё равно её слишком много. Мы или доберёмся. Или она нам уже не понадобится.

В Чёрной грязи нас снабдили припасами на дальний поход. Хоть мы и пытались отказаться, нас никто не послушал. Репутация «Ангелов жизни» путешествующих по континенту взяла своё.

– Конечно, дадим, – согласилась Ира.

Я перебрался в кунг, где выгреб из стола четыре двухлитровые бутылки с водой. Достал из холодильника семь упаковок с саморазогревающейся едой. За два захода оттащил всё в кабину. Теперь осталось передать пищу так, чтобы не получить пулю.

– Отойди к углу дома, – указал направление. Тогда получалось, что Ира бы его видела, а от выстрела я защищён бронёй. Выскочил бы, оставил еду на асфальте и двинулись бы дальше.

– Я сказал жратву давай! – местный житель целился в Ирину. Меня это сильно раздражало.

– Отойди и встань так, чтобы ты не представлял для меня опасности, – воззвал к разуму. – Вот еда, – продемонстрировал бутылку и одну из упаковок, кажется фасоли. – Я оставлю её на асфальте…

– Я сейчас пристрелю твою суку! – глаза местного жителя загорелись. Он вожделенно облизнулся. – Быстро давай жрачку! Быстро!

Его рука сильно затряслась. Даже не будь у нас бронированных стёкол, вряд ли б он попал. Я почувствовал, как кровь приливает к лицу. Потянулся к «Валу».

– Постой, – сказала Ира.

Она тоже опустила немного стекло.

– Послушай, мы хотим тебе помочь! Ты всё равно не сможешь нам ничего сделать…

Грохнул выстрел. Эхо несколько раз отразилось от пустующих многоэтажек.

Лобовое стекло уже много-много раз пытались пробить. Даже из КПВТ однажды били. Не осталось и следа. Вероятно, мы ездили на самой дорогой и совершенной машине, изобретённой человечеством.

Ещё раз ухнул выстрел. Снова эхо разноголосо повторило звук.

– Тебе еда нужна? – успел я спросить перед тем, как местный житель снова нажал спусковой крючок.

Глаза мужчины сузились. Он раз за разом пытался пробить стекло, пока «Макаров» не встал на затворную задержку.

– Успокоился? – поинтересовалась у него Ира.

Местный житель тряхнул головой, словно сбрасывал наваждение. Волосы-сосульки дёрнулись.

– Вы кто такие? – хмуро произнёс он. Пистолетом на затворной задержке по-прежнему целил в мою жену.

– Те, кто хочет дать тебе еду, а ты в них стреляешь! – выпалил я.

Хотелось треснуть прикладом в эту заросшую бородой физиономию. Раздражает, когда ты от чистого сердца хочешь помочь людям, а они думают, что ты пытаешься их надурить.

Местный житель, наконец, опустил оружие. Исподлобья посмотрел мне в глаза.

– Да пошёл ты, козёл! – сплюнул на асфальт и быстро направился к дому со странными балконами.

Мы с Ирой переглянулись. Конечно это не самая странная ситуация, в какую мы попадали на просторах Евразии…

– Смотри за ним, – сказал я.

Открыл дверь и спрыгнул вниз. Выставил на дорогу бутылки и саморазогревающуюся пищу. Резво заскочил обратно.

Мы поехали дальше. На бортовом компьютере увидели, как местный житель подбежал к оставленным нами продуктам. Обсмотрел, затем, словно собака, опустившись на четвереньки, обнюхал. Выпрямившись, показал нам средний палец. Столько на его лице появилось обиды, будто мы ему оставили битых кирпичей.

За годы странствий мы, конечно, встречали подобную «благодарность». Бывало и похуже. Например, когда нас под Тернополем банда каннибалов хотела съесть, а в благодарность за помощь пообещали убить быстро и безболезненно. Или в лагере под Линцем, за уничтожение двух кошек, нас постарались отравить и завладеть КамАЗом.

– Чокнутый псих, – хмыкнула Ира.

– Многие бы так про нас сказали. Этот урод пытался тебя убить, а мы ему жратву за это оставили…

Мы объехали врезавшуюся в столб поливочную машину. Слева во дворе увидели танк с порванной гусеницей.

Перед третьим домом со странными балконами нас ждала засада из деревьев. Видимо там, где мы встретили выжженный участок, была такая же ловушка. Состояла она в том, что деревья по разные стороны дороги протянули друг к другу множество ветвей по земле. Особенным препятствием это не являлось даже для машины с меньшей, нежели у нас, проходимостью. Человек начинал перебираться через ветви. Когда доезжал к середине, они оживали и

обездвиживали автомобиль. Человеку оставалось лишь выбираться. Именно этого деревья и добивались. Они никогда не спали, поэтому ждать, когда жертва вылезет из своей консервной банки, могли долго. Страшная смерть. Насколько нам известно, из таких ловушек можно выбраться только с посторонней помощью. Мы бывали в лагерях, где преступников наказывали таким образом: давали немного еды, воды и сажали в подобные западни. Злоумышленники неделями сидели в гробу на колёсах, гадили между сиденьями, дышали вонью. А когда продукты заканчивались, начинали выть, словно звери. Лили крокодиловы слёзы, жалостливо умоляли о пощаде, клялись давно позабытыми матерями, что больше не будут убивать или воровать (в зависимости от того, на чём попались). Таких людей исправит лишь могила, куда их и надо отправлять, чтобы не портили жизнь другим. В итоге душегубы пытались выбраться из вонючего гроба, но их всегда живьём сжирали вечно голодные деревья.

– Какие идеи? – Ира остановила тяжёлую машину.

Я задумчиво почесал подбородок. Как бы сейчас пригодился огнемёт. Пусть даже ранцевый. Вернуться не получится. Преодолеть завал не сможем – пределы проходимости есть даже у нашего КамАЗа. Через дворы? Очень-очень-очень сомнительное удовольствие.

– Мы сейчас сожжём здесь всё, – пришла ко мне идея. – Лезь на башню, будешь меня страховать. И головой крутить не забывай.

Я подхватил «Вал» и перебрался в кунг. Под кроватью валялась металлическая канистра на пять литров. Изначально их было четыре, но за ненадобностью Ира три выкинула. Последнюю я успел спасти стандартной мужской формулировкой «Пригодится».

Пригодилась.

Минут десять шарил по инструментальному ящику. Наконец отыскал патрубок радиатора.

– Всё чисто? – поинтересовался у супруги.

– Всё чисто, – как эхо отозвалась она.

Я закинул «Вал» за спину. Открыл заднюю створку двери и спрыгнул на асфальт. Сильно пахло сиренью и полынью. Деревья в новом мире научились использовать запахи, чтобы приманивать насекомых, животных и людей. Последние уже не попадались в подобные ловушки. Зверей осталось мало, а вблизи крупных городов их и вовсе подчистую истребили изменённые эволюцией сородичи. Насекомые, которых веяния нового мира затронули меньше всего, стали основной пищей для мутировавших деревьев.

Я обошёл вездеход справа. Там располагался бак с бензином. Пришлось опуститься на четвереньки и забраться под утолщённую в этом месте броню. «Вал» несколько раз ударился глушителем о днище. Я отвинтил крышку, бросил болтаться на пластиковом хомуте. В нос ударил запах бензина. Пристроил канистру между ног. Начал вставлять трубку в бензобак, когда нащупал рукой ещё одну крышку возле днища. Хотелось хлопнуть себя по лбу за недогадливость. Сейчас бы наглотался с непривычки бензина. Завинтил верхнюю крышку и примостил канистру к нижней. Рассчитывал, что как откручу, так сразу и польётся. Максимально отодвинулся, чтобы не забрызгаться. Разработчики данной машины под крышкой вмонтировали маленький вентиль. Открыл его. Струя тягучей жидкости ударила точно в горловину канистры. Завоняло бензином. Пока ёмкость набиралась, вслушивался в тишину окружавшего города. Когда-то Москва была прямо противоположной. Она никогда не стихала. Сейчас чихни в Хамовниках, на Воробьёвых горах услышат. Наверняка поблизости ошиваются изменённые. Их немного и они, как обычно, выжидают удобный момент. Стоит дать слабину, потерять бдительность, и сразу попадёшь в их лапы. Слишком много раз нам пришлось наблюдать последствия такой неосмотрительности.

Совсем недавно, под Пензой, мы видели целую колонну брошенной техники. Машины стояли полукругом – явно на ночь остановились. Следов выживших мы не обнаружили. Зато остатков тел и засохшей крови – сколько угодно. Позже выяснилось, что какое-то хорошо вооружённое бандформирование кочевников напало на лагерь в Ромашке. Единицам удалось бежать. Их и разорвали изменённые.

На просторах апокалипсиса мы повидали многое, но от этих воспоминаний меня передёрнуло. Не удивительно, что человек исчезает с лица Земли. Мало того, что планета ополчилась против людей, так они ещё и сами друг дружку уничтожают.

Отряд кочевников вооружён был восхитительно. Не просто так большинство из них бывшие военные, по разным причинам выбравшие бедуинскую жизнь. Эта когорта предателей мундира насчитывала семь БТРов, Армату с танковым транспортёром, четыре бензовоза, двадцать «Тигров», модернизированных под разные боевые задачи, самоходную гаубицу на шасси, несколько фур различного стрелкового оружия, множество припасов. Жила эта группа разбоями. Громили попадавшиеся на пути лагеря. Забирали оттуда всё мало-мальски ценное. Выживших мужчин обращали в рабов, которые обслуживали технику и выполняли прочие хозяйственные работы. От женщин по мере пресыщения избавлялись – скармливали рабам. Детей топили или сжигали. Изредка вешали на деревьях.

Мы догнали этих кочевников. След они оставляли поистине заметный – пожары и трупы. Сумели втереться в доверие, правда для этого нам потребовался несколько месяцев, пришлось даже выполнить пару заданий. Мы видели мерзости и ужасы, творимые этими людьми. Кулаки сжимались от злости и бессилия. Эту могущественную силу требовалось остановить и мы не видели другого пути, нежели терпеливо дождаться удобного случая.

Когда в отряде кочевников нас стали считать своими, то мы, наконец, улучили момент…

Нет больше отряда кочевников. Никого из бывших военных мы не оставили в живых. Некоторые из них валялись в ногах, богом молили сохранить им жизнь, хотя несколько суток назад сами поджигали хворост под детьми. Всю технику мы сожгли, чтобы никто больше не воспользовался этими уродливыми изобретениями.

Самым интересным и неожиданным во всей этой истории стал тот факт, что многие рабы бросились на защиту хозяев. Они считали, что нашли новый дом и со временем смогут занять в этом обществе достойное место. Главное трудиться на благо общества и стараться проявить себя. А высшее руководство их в этом ежедневно убеждало. В итоге запуганные и запутавшиеся люди бросились на спасителей. К сожалению, времени их переубеждать не было, пришлось убивать. Если человек думает, что власть старается ради людей – он заблуждается. Если человек мечтает сам стать власть имущим – он наивный дурачок. Если человек бросается на защиту этой власти – он осёл и место его в гробу.

Я закрыл вентиль. Упало ещё несколько капель бензина. Выбравшись из-под КамАЗа, осмотрелся. На улице без изменений. Поправил ремешок «Вала». Медленно подошёл к ближайшим ветвям, протянувшимся через дорогу. А потом начал максимально далеко разбрызгивать бензин из канистры. В первые мгновения ничего не происходило. Затем несколько ветвей чуть-чуть пошевелились. Одна из них незаметно придвинулась ко мне. Я расплескал всю канистру и отошёл к КамАЗу. Забравшись через заднюю дверь в кунг, вернул канистру под кровать. Точно от Иры получу нагоняй, когда унюхает.

– Иди за руль, – сказал супруге.

– Они там шевелятся… – Ира спустилась по лесенке с башни. – Такое чувство, что им не нравится.

Я улыбнулся. А кому понравится, что его бензином облили? Деревья, конечно, не стали докторами наук, но мозгов у них точно прибавилось. Не знаю, где именно рождался мыслительный процесс, но в примитивном уровне он у них точно существовал. За время странствий по континенту в этом пришлось убедиться не единожды.

Вряд ли деревья понимали, чем именно облили их ветви и что собираются сотворить. Но подвох чувствовали.

Я забрался в башню. Стянул со спины «Вал».

– Готова?

– Да! – Ира погазовала на нейтралке.

Я прицелился в кусок асфальта рядом с залитыми бензином ветвями. Снял курок с предохранителя и медленно нажал спусковой крючок. Щёлкнул выстрел, приклад впился в плечо. Пуля чиркнула по дороге, высекла искры. Пламя распространилось мгновенно. Разлитый бензин заполыхал. В небо устремилась чёрная гарь.

Несколько мгновений ничего не происходило. Затем по округе разнёсся глухой и протяжный стон, словно из-под подушки. Ветви, перекрывавшие нам проезд,

неожиданно задёргались, начали извиваться. Одна из них метнулась влево, скрылась в массиве фиолетовых листьев. Округу разорвал второй стон. Все ветви начали извиваться, поднимались вертикально, дёргались, пытаясь сбросить огонь.

– Поехали! – крикнул я.

Тяжёлая машина тронулась, постепенно набирая ход. Одна из толстых ветвей метнулась нам под колёса, но в одиночку не смогла ничего сделать. Её подруги бились об асфальт, пытались избавиться от пламени. Многие из деревьев бездумно затащили конечности, отчего слева и справа раздавались приглушённые стоны, появлялись новые очаги пламени.

В доме со странными балконами первый этаж целиком выгорел. На парковке возле тонкой кирпичной высотки, стояло несколько отодвинутых с проезжей части автомобилей.

Раньше, до апокалипсиса, я смотрел голливудские фильмы, где в городах после зомби-нашествия простаивала уйма брошенной техники. Поначалу так и было. Выживших людей оказалось в десятки раз меньше, нежели автомобилей. Постепенно выжившие начали осваиваться: организовали лагеря, мелкие производства, начали ездить друг к другу по обмену. Появились первые смельчаки, кто лазил в города за добычей. Сразу возникли и торговцы. Общество возрождалось.

С окраин столицы давным-давно всё ценное вывезли группы снабжения. Именно поэтому дороги пусты. За последние семь лет брошенные автомобили растащили на запчасти. Оставшиеся или слишком редкие и никому не нужные, или всё ценное из них скрутили первые шайки мародёров.

Мы видели, как работают группы снабжения в Екатеринбурге. Под охраной в город заезжало несколько больших самосвалов и кран. Собирали все машины подряд и уезжали. Ценные запчасти меняли лагерям далёким от больших городов, но близким к плодородным почвам. Остальное переплавляли или выбрасывали, отчего вокруг баз со временем вырастала дополнительная стена в виде мусора.

Одно из деревьев потянулось к нам веткой. На его жалкие потуги мы даже не обратили внимания. Во-первых, оно далеко от дороги, а, во-вторых, в одиночку точно не сможет доставить нам неприятности.

На кругу, рядом со знаком «Ховрино», стоял красно-синий вертолёт. Рядом с ним валялись обглоданные кости. На треугольнике безопасности лежало раскуроченное такси.

Петрозаводская улица перетекла в Онежскую. Перед нами простиралась прямая и пустая дорога. Справа гаражи, слева дублёр. Ира начала незаметно разгоняться, но я напомнил, что наш КамАЗ хоть и вездеход, но неожиданные городские препятствия в мёртвом городе порой настолько неожиданны, что и подобной машине их не осилить. Супруга сбросила скорость.

Тут же мы получили подтверждение моим словам. На углу с Флотской улицей кто-то перегородил проезжую часть двумя лентами с шипами. У нашего КамАЗа колёса с самозатягивающейся резиной и автоматической подкачкой, но двигайся мы на большой скорости, управление бы потеряли. А там и до столкновения рукой подать. А ДПС и Скорая в этом городе (да и в этом мире) ездили последний раз семь лет назад.

Объехали неожиданную преграду по пешеходной дорожке, протянувшейся между Онежской и дублёром.

Вероятно, эту ловушку ставили бандиты, чтобы ловить безмозглых лихачей. Хозяев шипов давно нет, иначе бы они дали о себе знать, а людей с тех пор пострадало немало. В зарослях фиолетовых деревьев на углу Онежской и Флотского я приметил несколько увязших автомобилей. А чуть дальше на дороге с пробитыми колёсами стоял военный «ЗИЛ» с распахнутым кунгом. На дорогу мы выехали рядом с ним.

С момента, когда мёртвое стало живым, а живое атавизмом, многое в мире изменилось. А больше всего и кардинальнее, поменялся сам мир. Может, Земля устала от нас и запустила ускоренную версию резервной программы «Эволюция»? Не знаю. Я много слышал разных версий, что произошло. Много слышал футуристических и неожиданных прогнозов на будущее. Одно знаю точно. Всё произошло настолько незаметно и неожиданно, что никто и ничего поначалу не понял.

А потом стало поздно. Пришлось любыми способами выживать.

Из тех, кто сумел выбраться из капкана больших городов, многие, в конце концов, пополнили ряды тех, с кем боролись. После смерти живое начало «оборачиваться». Будто заново рождалось в мёртвом теле. Не знаю, как это объяснили учёные. Даже не знаю, остались ли люди такой специализации. Да и всё равно мне, если честно. На лицо факт, что мы последние из могикан, последние люди на планете Земля. Последние осколки общества, некогда считавшего себя настолько великим, что даже уничтожало друг друга без конца и края.

Теперь нашим уничтожением занялась новая жизнь, призванная сменить всё живое на этой планете. И что могу сказать? Она намного приспособленнее, сильнее, более живучая. Не хватает знаний, накопленных человечеством, но через тысячи лет они их наберут. Интересно, вспомнят ли о тех, от кого произошли? Так же будут в музеях показывать, рядом с неандертальцами и кроманьонцами?

Возле поворота на Солнечногорскую улицу стояли остовы трёх сгоревших автомобилей. Чуть дальше, на тротуаре, лежала перевёрнутая маршрутка. На пешеходной зоне, между Онежской и дублёром, росла пара обычных деревьев. Странно смотрелись их зелёные листья. Стволы прямые, без наростов и тянулись вверх, к солнцу. Бывшие собратья не могли к ним добраться – именно это обстоятельство стало основным критерием выживания в современном мире.

На пересечении с Кронштадтским бульваром лежал изрешеченный крупнокалиберными пулями труп монстра. Видимо из Лихаборки выбрался. Короткие, но мощные лапы, раздувшееся тело. Пятнистая кожа, вытянутая зубастая морда и гребень вдоль всего туловища. Не сразу я узнал в этом изобретении эволюции обычного домашнего тритона.

На мосту через речку валялись высоковольтные провода. Одна из ЛЭП возле дороги оказалась повалена.

Слева, в белой высотке, красовалась огромная дыра, словно произошёл взрыв газа. А может, кто-то хранил взрывоопасные предметы. Сейчас не важно.

Когда объезжали старый, брошенный на дороге и даже не раскуроченный, МАЗ-плитовоз, издалека донеслась стрельба короткими очередями.

Вдали дорогу перебежала тройка изменённых. Один из них повернулся к нам. Его лицо ещё не претерпело серьёзных изменений. Даже военная форма осталась цела. Лишь бегал он босиком.

– Страшно, – замогильным голосом произнесла Ира.

Согласен. Страшно жить, чувствовать, любить, желать… а потом стать жертвой эволюции. Единственный стопроцентный способ, чтобы мёртвое тело не стало изменённым – сжечь его. Остальные методы не дают полной гарантии. Изменённый организм вполне способен отрастить себе новую конечность. Мы даже слышали про отросшие заново головы. А про внутренние органы и говорить не стоит – они возникали заново всего за какую-то пару часов.

Дорога возле 3-его Лихачёвского переулка изрыта взрывами. Валялось несколько искорёженных автомобилей. Чуть дальше нам снова попались изуродованные машины. Одна из них пожарная. Её лестница, поверх деревьев тянулась в одно из окон дома. Парковка рядом с розовым двухэтажным зданием оказалась заставлена нетронутыми автомобилями. Плохое место. Наверняка внутри живут или изменённые, или какая-то тварь. Поверх чёрного забора, обмотанного колючей проволокой, висели обрывки одежды.

Вновь запахло гарью. После небольшой площади, где мы увидели следы стоянки крупной группы, дорога пошла вверх. Массивы из деревьев по обе стороны дороги вели себя вежливо и к нам не лезли. Это место следовало преодолеть быстрее, неизвестно, какая изменённая эволюцией тварь могла поселиться в этих фиолетовых зарослях. На перекрёстке объехали брошенную фуру с европейскими номерами.

Михалковская улица началась с моста через железнодорожные пути. После перекрёстка висел знак «Пересечение с трамвайной линией». Зачем обратил на него внимание? Просто нелепо он смотрелся в мире, где всем плевать на правила.

Странно, но путь через бывшую столицу нам давался относительно легко. Я напрягся в ожидании появления какой-нибудь твари. После моста мы увидели

рельсы и одинокий трамвай, застывший на повороте.

Движение в одном из окон дома с надписью «Коптево» мы заметили одновременно. Словно кто-то высунулся, но его затащили обратно.

– Тормози, – сказал я.

Ира остановила КамАЗ. Я поднял «Вал» и приник к оптике. Занавеска на третьем этаже и впрямь колыхалась.

– Очередной местный житель? – спросила супруга.

Проверять, кто там спрятался, желания нет. Если и вправду очередной человек, который надеется на лучшее, то можно и пулю схлопотать. Если измененный, то попросту время потеряем.

– Ты решил до Трёшки, а там спуститься до Кутузовского? – Ира задумчиво смотрела на трамвай. – Мне кажется, что на Трёшку лучше не соваться. Помнишь же, в прошлый раз мы видели…

Года три назад мы были в одной из подмосковных баз – в Суханово. Сейчас этого лагеря не существует – прошлым летом всех выкосила неизвестно откуда появившаяся оспа. Выполняя для них одно из заданий, мы видели заторы на Автозаводском мосту, часть из которого, кстати, ещё и обвалилась.

Третье транспортное кольцо вообще своеобразный Рубикон для выживших. Мало людей, которые побывали за ним и вернулись обратно. Каждый из них рассказывал немыслимые басни. Раньше мы не обращали на них внимания, даже когда нам говорили, что в центре столицы живёт хорошо вооружённая группа людей. Недавно получили подтверждение этой информации.

А ещё мы узнали, что именно охраняет эта группа людей. И ради того, чтобы добраться к этому объекту стоило рискнуть не только нашим КамАЗом, но и собственными жизнями.

– А как мы можем на неё не соваться? – посмотрел на супругу. – Хочешь-не-хочешь, а придётся.

Ира тяжёло вздохнула. Тогда, возле «Тульской», нам пришлось крепко повоевать с изменёнными, поэтому воспоминания остались не самые приятные.

– Поехали, – сказал я. – Хватит здесь торчать, как прыщ на лбу. Если бы там кому-нибудь требовалась помощь, мы бы уже об этом узнали.

Едва мы тронулись, как стекло на третьем этаже разлетелось вдребезги. На проезжую часть упала табуретка. Окружающую тишину разорвал женский крик:

– Помогите! Пожалуйста!

Саму обладательницу голоса мы не увидели. Но в том, что она обычный и нормальный человек нет сомнений. Изменённые не могут говорить. При самом лучшем раскладе способны повторить звукосочетания «Угу» или «Ага». На большее их речевых способностей не хватает. При этом друг друга они как-то понимают. Подозреваю, что у нового вида людей, со временем, разовьётся полноценная телепатия.

Первое, что пришло в голову – ловушка. Слишком звонкий голосок, слишком странное место. Вообще слишком всё не так. Рассчитано на героев, у которых в головах засело, что рыцарь всегда должен прискакать на белом коне и убить злого дракона.

– Надо помочь, – супруга так демонстративно дёрнула ручник, что у меня не осталось сомнений в её намерениях. Она перебралась в кунг. Я направился следом. Ира достала из оружейного шкафчика автомат. Она любила «Абакан» за отсечку в два патрона. Человека он валит с первого раза, вне зависимости в броне тот или нет. Изменённого хотя бы затормозит. Останавливающее действие этого автомата переоценить невозможно. Когда-то мы потратили много усилий, чтобы достать его. Зато потом ещё один, в прямом смысле слова, свалился нам на голову. Чуть не пришиб меня. Мы так и не выяснили, кто тот шутник, швырявшийся автоматами в Грозном, с высоток на Умара Димаева. И вообще человек или новый изменённый? Обычно они так балуются. Швыряют из окон чем попало. Почему «новые»? А потому, что у бывших людей стираются и первичные и вторичные половые признаки. А новые изменённые рождаются без них. Не знаю людей, которые хотя бы догадываются, как изменённые размножаются без половых органов. Может быть, эта загадка когда-нибудь и решится, но нас здесь уже не будет.

Этому бы швыряльщику вообще цены не было, кидайся он в нас ещё и патронами. Оружия мы тогда собрали много. Так как в постапокалиптическом мире это самая твёрдая валюта (не считая патронов), то деньгами нас тогда обеспечили основательно. Долго мы меняли автоматы и пистолеты на патроны, еду, медикаменты и прочие блага канувшей в Лету цивилизации.

Я задраил башню. Дозарядил магазин «Вала». В задние карманы джинсов сунул по снаряженному магазину. Терпеть не могу разгрузки и прочую военную экипировку. Была б моя воля, вообще бы к оружию больше не прикасался.

В какой-то момент, когда мы устали от всего. Уехали далеко-далеко от обжитых мест, чтобы навсегда забыть о цивилизации, изменённых и о том, что мир изменился. К сожалению, из этой затеи ничего не вышло. Мутировавшие флора и фауна всюду. В современном мире никогда не знаешь, во что может превратиться обыкновенная мышка. Например: если раньше слово «кошка» ассоциировалось с чем-то маленьким, мягким, мурчащим и тёплым, то теперь выражением ненависти служит фраза: «Чтобы тебя кошка сожрала».

– Учти: есть вероятность, что это засада, – сказал я.

– Это не засада, – Ира перекинула автомат за спину. На бедро привесила кобуру с ПМом. Как сама называла – оружие последнего шанса. Также, как и я, запихнула в задние карманы по снаряженному магазину. Двойной, связанный изолентой, вставила в окно ствольной коробки. – Я уверена, что это не засада.

Несколько раз её чутьё нас спасало. Но тут речь шла о помощи другим. Даже в старом и привычном мире пользовались человеческой добротой, например профессиональные нищие. В современном обществе мчаться кому-то на помощь – занятие безрассудное и глупое. Вероятность того, что попадёшь в засаду пятьдесят на пятьдесят. Однако мы всегда приходили на помощь. Позывной «Ангелы жизни» просто так не дадут.

Требовалось исключить возможных снайперов, которые только и ждут, когда мы отойдём от бронированного грузовика, чтобы поговорить с нами громоподобными голосами СВДшек.

– Держись, – приказал жене.

Перебравшись через резиновое соединение в кабину, положил «Вал» на «торпеду». Двигатель тихо порыкивал, словно засыпавший котёнок. В разбитом окне никакого движения. Лишь висит белая гардина. Никаких признаков того, что за нами наблюдают, не заметил. Если здесь устраивали комедию-постановку, то…

Тут сообразил, что не клеится в моих подозрениях. Стекло-то разбили. Вряд ли они потом пригласят мастера вставить новое. А будь это постоянный пункт засады, тут уже все окна должны быть выбиты. Ира права – это не засада.

Двигатель зарычал, когда я нажал педаль газа. На парковке возле пристройки-магазинчика, на поржавевших дисках, стоял полуразобранный синий грузовичок с раззявленными дверьми. Без труда его обогнув, въехал во двор по пешеходной дорожке. Шлагбаум снесли задолго до нас, забор пришлось смять. Надеюсь, жильцы не обидятся. Металлические двери подъезда закрыты. Я остановил тяжёлую машину. Осмотрелся на предмет изменённых.

Ира перебралась в кабину.

– Будь начеку, – бросил я.

Подхватил «Вал» и выскочил из машины. Дёрнул ручку подъездной двери – закрыта. Словно электромагнит до сих пор работает. Но, скорее всего, изнутри её попросту привязали к перилам. На окнах первого этажа решётки. Появилась мысль пробежаться вокруг дома, может не везде они есть. Выкинул её из головы – нечего маячить перед изменёнными. Какова вероятность, что окружающие подвалы чисты от них? Правильно – крайне низкая.

То, что дверь закрыта – плохо. Как-то ломали склад в Красноярске, наделали столько шума, что улепётывать пришлось на третьей космической. При этом даже до конца не загрузились. Сейчас придётся действовать радикально. Если это засада, то ничего подобного от нас не ждут. Если кому-то нужна помощь, то такие действия максимально эффективны. КамАЗ, правда, жалко. Он нам верой и правдой служил столько лет! Жизнь так много раз спасал, что пальцев на конечностях не хватит. Но ничего. Как доедем до цели, он нам станет без надобности. А если не доедем… заставил себя не думать о всяком негативе, никаких «если».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/goncharov_sergey/protiv-chasovoy-strelki

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить